Примерно в пять, до этого еще вдосталь повалявшись на диване, я тихонько выскользнула на лестницу (меня по-прежнему никто не пытался запереть), закрыла дверь и сбежала вниз. По пути никаких неожиданностей не встретилось, если не считать глупого старушечьего голоса из-за двери напротив моей квартиры, который проводил меня вопросом «Тася, ты?» Я решила этому эпизоду значения не придавать: скорее всего, одинокая (а может, и выжившая из ума) старушка смотрит в глазок и провожает этим возгласом всех проходящих женщин. А может, я действительно похожа на какую-нибудь Тасю.

Выйдя во двор, я сразу направилась в сторону улицы Седова, а далее, перейдя ее, углубилась во дворы так называемых «немецких коттеджей» - двухэтажных домиков в сталинском стиле, построенных после войны пленными немцами. Половина из них уже была расселена и ждала инвестора, который придет и превратит их в мини-гостиницу, офис, а то и чей-нибудь особнячок (если владельцам особняков понравится жить в таком районе, что маловероятно). Расселенные дома зияли пустыми окнами, откуда виднелось фантастическое количество хлама: явно, при жильцах там столько не было. Видимо, их превратили в помойки обитатели соседних, нерасселенных домов. Какую-то часть скарба, особенно пригодную для лежания и утепления,принесли бомжи. На такой-то укромный уголок я и надеялась. Ведь совсем необязательно, чтобы каждую ночь в каждом расселенном доме ночевали бродячие жильцы. Вдруг мне повезет и именно в мое убежище сегодня никто не придет? Мне ведь нужно только переждать ночь. Я гордилась тем, что не имею к опустившимся бродягам никакого отношения: я не бомж, я лишь временно, на несколько часов, пересекусь с их грустной дорогой. У меня есть Дом. Да, теплый гостеприимный дом! И он подождет меня до утра, а утром накормит и вымоет (пожалуй, уже пора, а особенно это будет актуально после сегодняшней ночевки). Мы с ним должны обхитрить его хозяев (кем бы они не были, и что бы они не думали и не знали про меня), чтобы они ничего не заметили, а утром спокойно ушли бы на работу (если они придут ночевать). И тогда Дом снова примет меня, свою подругу, которую – я в этом уверена! – он любит больше, чем официальных владельцев.

Разрушенный дом, в который я забралась, был завален рухлядью настолько, что передвигаться внутри было затруднительно: во всяком случае, нужно было очень серьезно следить за каждым шагом, чтобы не проколоть себе ногу какой-нибудь острой дрянью. Я почувствовала себя маленькой мусоринкой в огромном помойном контейнере. Увы, все, что было мягким и горизонтальным и могло по этой причине послужить лежанкой, оказалось сырым и осклизлым. И, конечно, холодным. Будь я такая же усталая, как вчера вечером, я бы, наверное, не обратила на это внимания. Но сегодня, благодаря моей милой Квартире, я была сыта, бодра и еще наполнена ее теплом. Я решила снова побродить, а потом, вдоволь устав и замерзнув, вернуться сюда.

Я снова пошла на набережную, а по ней, как и в прошлый раз, двинулась на север. Но настроение было совсем иным: путь освещала уверенность в завтрашнем дне. Квартира, спасибо тебе, что ты есть! Я шла вдоль Невы, мимо отдыхающих с пивом и шашлыками, установивших свои мангалы в маленьких скверике посреди куч мусора. Попыталась было еще раз поразмыслить о тайне взлома моего аккаунта, но быстро выбилась из сил. И решила подумать о другом. Например, я подумала, что немного завидую этим подвыпившим особям шашлычников: пусть они отвратительны и заполняют мусором все пространство вокруг себя, у каждой из них есть другая особь, с которой налажена постоянная эмоциональная связь. Связь эта проявляется по-разному: они могут заниматься любовью, могут обкладывать друг друга матом, могут вместе жарить шашлыки и есть их, могут кидаться друг в друга пивными бутылками. Но все равно эта связь есть, и каждый из них знает, что он не один сегодня и не один пребудет завтра. И этой дает какой-никакой смысл жизни. Вот бы мне превратиться в одну из этих шашлычниц! Вот прямо сейчас. Да вот хоть в эту, с длинными крашеными

волосами, низким хриплым баритоном и футболкой, обтягивающей жирные складки на боках. Наверное, стань я ею вдруг, я бы больше не оставляла мусор после себя и даже попыталась бы сагитировать на это своих собутыльников. Но как-нибудь мягко, чтоб они не заметили подмены. Сигареты и спиртное я физиологически не переношу, так что от них бы мне тоже пришлось незаметно отказаться… впрочем, если бы я стала другой особью, то это бы означало, что я получила бы чужое тело, которое вполне все это выносит… Ладно, решим по ходу дела. Главное – это то, что вот этот тощий краснорожий тип, сидящий напротив нее, знал бы, что я, то есть она, являюсь его женщиной. И эти четверо рядом с ними, в свою очередь, знали бы, что я – его женщина, а также – их приятельница. И этих связей было бы достаточно, чтобы не бояться за потерю своего места в мироздании. Вздумай я потеряться – меня сразу найдут. И вернут на мое место с пивом и шашлыками.

Я гуляла до темноты. Попыталась было вернуться в облюбованный помоечный дом, но еще на подступах к нему поняла, что не решусь забраться внутрь – такой ужасной холодной тьмой веяло из пустых окон. Тогда мне в голову пришла еще одна мысль. А что, если подождать под окнами Квартиры в надежде, что хозяева так и не придут? У меня ведь не зря было подозрение, что вчера их там не было. А что, если они по какой-то причине решили уехать? А я, вместо того, чтобы спокойно залезть сначала под горячий душ, а потом – под теплое одеяло, неприкаянно брожу в холодной ночи.

Эта мысль меня обрадовала. Я даже решила вообразить, что это моя подружка-Квартира телепартировала мне идею, как бы поскорее попасть под ее кров. Впрочем, не стоит слишком предаваться фантазиям, строго сказала себе я: осторожность сейчас ой как нужна! Но мне уже стало хорошо, и совсем не получалось вызвать в себе тревожное обострение внимания, которое сопровождало мои предыдущие «визиты». Чувство (пусть ложное, пусть выдуманное), что я больше не одна, что у меня на свете есть нечто (некто?), кто меня ждет, что у меня наконец-то появилось то самое законное место в пространстве – оно согревало и расслабляло, мешая толком бояться. Еще не дойдя до подъезда, я поняла, что окна темные. Было, наверное, около полуночи. Вряд ли хозяева легли спать так рано. Хотя все предположения об их режиме пока не проверены. Я вновь отправилась бродить, но теперь уже в радиусе не больше двухсот метров от подъезда. Время от времени я рисковала вновь приблизиться к окнам – и вновь обнаруживала их темными и молчащими. Наконец, минут через сорок я решительно направилась к дверям. Сначала, как обычно, проверочный звонок. Гудки, еще гудки. Тишина. Уже почти без дрожи в руке я приложила таблетку к кружочку. Было полпервого ночи или даже больше – лестница, к счастью, была пуста. Я взлетела наверх, почти мгновенно повернула верхний ключ, ткнула ригель и юркнула внутрь. Прислушалась. Отсчитала секунды. Снова тишина! Их нет. Придут? Все может быть. Но я больше не хочу бояться. Я не буду бояться! Если они придут, я скажу, что нашла ключ, что очень хотела спать и еще что иногда заходила к ним отогреться, съела кое-что испорченное из холодильника…. Если придет жена, можно даже соврать, что ключ мне дал Николай, ее муж, что он мне сказал, что живет один и даже звал за себя замуж…. Странно, что эта мысль не пришла мне раньше. Выходит, я еще недостаточно подлая? Думаю, что, возмущенная ревностью, жена вряд ли станет критически осмысливать мои слова и предпочтет, чтобы я поскорее ушла.

Успокоив себя таким образом, я осторожно заперла дверь. Зажигать ли свет? Сначала я подумала, что не стоит. А потом подумала – ну и что с того, если хозяева с улицы увидят, что в квартире кто-то есть? Если им суждено сегодня явиться, меня в любом случае обнаружат. Правда, заметив свет в окнах, они могут принять решение сначала вызвать полицию. С другой стороны, не все ли мне равно, кто меня обнаружит – просто хозяева или хозяева с полицией? И потом, все эти опасения имеют смысл лишь в том случае, если Николай не заинтересован в моем присутствии. А вдруг он как раз заинтересован, судя по моим недавним выводам? Мне

очень хотелось спать – несмотря на славный дневной сон сегодня – и я решила, что устала перебирать в уме бесконечные варианты и имею право отдохнуть. Я поискала рукой выключатель и зажгла свет. В прихожей ничего не изменилось. Я заглянула в кухню – и там было все по-прежнему. На всякий случай посмотрела во всех комнатах – они были пусты. Тогда я зашла в ванную и повернула краны умывальника. Некоторое время постояла, с наслаждением грея руки в теплой, почти горячей воде. Я уже хотела было залезть под душ, но подумала и сперва пошла в спальню. Там тоже ничего не изменилось: двуспальная кровать, комодик, тумбочка и большой шкаф-купе. Больше ничего не помещалось, для прохода между кроватью и стеной оставалась узкая полоска пола.

Уж если я решила, что мне все равно, то … и с этой мыслью я открыла шкаф. Платья, брюки, джинсы, пальто – меня сейчас интересовало не это. Я выдвинула верхний ящик комода. Колготки в упаковках и без, носки. Я взяла пару красных, засунутых один в другой. Следующий ящик – лифчики. Вот уж эту деталь туалета я никогда не использовала, полагая, что у меня нет того, что нужно туда класть. Носить же лифчик как символ груди в частности и женственности вообще, расплачиваясь за это чувством сдавленности ребер, мне казалось глупостью. Но хозяйке этих симпатичных (не скрою) атласно-кружевных изделий, по-видимому, казалось иначе. Размер груди у нее явно был не больше моего, но к лифчикам она относилась с уважением. Ящик ниже – трусы. Отлично, вот что я искала! Я выбрала самые старые и застиранные, чтобы причинить владелице наименьший ущерб. Еще ниже хранились трикотажные бриджи и футболки. Право, стоит ли винить представительниц миддл-класса за их избыточное потребление, если иногда можно вот так, в случае крайней необходимости, приобщиться к чему-нибудь из их коллекций! (Надо же – я весело шучу про себя, подумала я. Давно ли со мной такое было? Давно!) Не помню, чтобы у меня когда-либо было больше вещей, чем того требовала базовая задача прикрытия наготы и защиты от холода, а уж хранить в ящике десять единиц футболок и пять – бриджей мне и вовсе показались бы нелепым излишеством, но сейчас оно было весьма кстати… Я почти смеялась. Мне хотелось бежать в ванную вприпрыжку, и я бы сделала это, если бы не вспомнила о минимальной осторожности. По пути я заметила в прихожей, рядом с уличной обувью, мягкие женские тапочки, и всунула в них ноги.

Стерильная белизна ванной была восхитительна, струи горячей воды, омывающие тело, были божественны. Из лежащего в никелированной подставочке гламурного прозрачно-зеленого мыла получилась чудесная пена, и горячая вода вместе с ней смыла в сливное отверстие всю мою многодневную грязь. Я отметила про себя, что сопричащаюсь респектабельной жизни здешних хозяев. Можно даже представить себе, что я одна из них. Во всяком случае, предметам – мылу, воде, мочалке, чистому пушистому полотенцу – похоже, все равно, кого обслуживать – их или меня. Возможно, за мной они ухаживают даже с большим чувством. Хозяева привыкли и не замечают их преданной службы, я же с благодарностью принимаю каждое мгновение, каждое прикосновение!

Я вытерлась, стоя на мягком коврике. Снова сунула ноги в тапочки. Одеть висящий в ванной белоснежный халатик – такой же стерильный, как полотенце – я все же сочла непозволительной наглостью. А я кто угодно, но не наглец. К тому же, это будет избыточно – я представить не могу себя в халатике. Я и так упивалась ощущением своей теплой чистоты. Нет, я возьму только то, что мне действительно очень нужно, решила я. Например, мне нужно почистить зубы – я вспомнила, что не делала этого ни разу с последнего вечера в общежитии. То есть, уже три дня. И так как мне это было очень нужно, я почти без зазрения совести выбрала себе одну из двух щеток (они не различались «гендерными» цветами, как, например, красная и синяя, а обе были бело-серыми), выдавила терпкой мятной пасты и получила еще пару минут наслаждения. По привычке прибрав все следы своего посещения (хотя сейчас в

этом смысла не было, ведь в ближайшее время я не собиралась уходить), я направилась в гостиную, намереваясь улечься на моем обыкновенном диванчике. И тут остановилась – а собственно, почему бы и нет? – и повернула в спальню. Я ведь сегодня стерильная – значит, постели не запачкаю. Тем более, диванчик наверняка не предназначен для сна. Значит, своим телом я его изнашиваю, тогда как кровати, на которой и так постоянно спят, все равно! Хотя на самом деле, конечно, мне просто очень хотелось полежать в этой королевской кровати. Я отдавала себе отчет, что сильно преувеличиваю роскошь обстановки, которая меня гостеприимно принимала, но поверь – для меня в тот момент она действительно была роскошной и ничего лучше я даже помыслить не могла. Я откинула покрывало – как и предполагалось, под ним было свежее белье какой-то модной расцветки. Право, я словно бы оказалась внутри глянцевого каталога дорогого интерьерного барахла, только с включением дополнительных тактильных и обонятельных ощущений. Хорошо ли жить внутри каталога? О, бесподобно! Уютно и безопасно. В этот момент я мечтала, чтобы за моей спиной захлопнулась какая-нибудь пространственно-временная ловушка и я осталась бы здесь навсегда, в бесконечно длящейся ночи, внутри фотографии спальни из интерьерного каталога, куда никогда не придут хозяева.

Завернувшись в одеяло из какого-то супертехнологичного псевдопуха, который обволакивал тело, подобно теплому молоку, я подумала, что из приличия следует хоть немножко потревожиться. Я честно напряглась, пытаясь представить все ужасы моего положения – и через несколько секунд уснула.

http://tl.rulate.ru/book/67261/1792655